• 2019 •

TRANSACTIONS
OF THE INSTITUTE
FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE
No. 20

St. Petersburg
2019

ЗАПИСКИ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ
МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ РАН

№ 20

Санкт-Петербург
2019

ББК 63.4

Записки Института истории материальной культуры РАН. СПб.: ИИМК РАН, 2019. № 20. 204 с.

ISSN 2310-6557

Transactions of the Institute for the History of Material Culture. St. Petersburg: IHMC RAS, 2019. No. 20. 204 p.

Редакционная коллегия: В. А. Лапшин (гл. редактор), В. А. Алёкшин, С. В. Белецкий, М. Ю. Вахтина, Ю. А. Виноградов, Л. Б. Вишняцкий, М. Т. Кашуба, Л. Б. Кирчо (заместитель гл. редактора), К. Нордквист, А. К. Очередной

Editorial board: V. A. Lapshin (editor-in-chief), V. A. Alekshin, S. V. Beletsky, M. Yu. Vakhtina, Yu. A. Vinogradov, L. B. Vishnyatsky, M. T. Kashuba, L. B. Kircho (deputy editor), K. Nordqvist, A. K. Otcherednoi

Издательская группа: Л. Б. Кирчо, В. Я. Стёганцева, Е. В. Новгородских
Publishing group: L. B. Kircho, V. Ya. Stegantseva, E. V. Novgorodskikh

В № 20 «Записок ИИМК РАН» публикуются научные исследования, представленные на российско-финляндском симпозиуме «Торговля, обмен и взаимовлияния в доисторическое время и средневековье/историческое время». В разделах «Новейшие открытия и разработки ИИМК РАН» и «Из истории науки» представлены статьи Н. Ф. Соловьёвой и А. В. Полякова, посвященные полевым открытиям на Йылгынлы-депе в Южном Туркменистане и анализу данных радиоуглеродного датирования фёдоровской культуры на Енисее, а также работа С. О. Ремизова, обобщающая информацию об изучении памятников каменного века Волгоградской обл.

Издание адресовано археологам, культурологам, историкам, музейоведам, студентам исторических факультетов вузов.

The 20th issue of the “Transactions of IHMC RAS” contains the Proceedings of the Russian-Finnish Symposium “Trade, Exchange and Contacts in Prehistory and in the Medieval/post-Medieval Times”. The sections “Newest discoveries and developments” and “From the history of science” present the papers by N. F. Solovyova and A. V. Polyakov devoted to field discoveries at Ilgynly-depe in South Turkmenistan and to the analysis of radiocarbon dates obtained for the Fyodorovo culture on the Yenisei river, respectively, as well as the work by S. O. Remizov who summarizes the information about the Stone Age sites of the Volgograd oblast.

The volume is intended for archaeologists, culturologists, historians, museum workers, and students of historical faculties.

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

Торговля, обмен и взаимовлияния в доисторическое время и средневековье/историческое время

<i>В. А. Лапишин. Российско-финляндский симпозиум по вопросам археологии и истории (8–11 ноября 2017 г., Великий Новгород)</i>	<i>9</i>
<i>К. Нордквист. Контакты и археология неолита Северо-Восточной Европы</i>	<i>11</i>
<i>P. Onkamo, K. Majander, S. Peltola, E. Salmela, K. Nordqvist. Ancient human genes of North-Eastern Europe</i>	<i>25</i>
<i>M. Lavento. Early Metal Age bronze axes in Finland: an overview</i>	<i>35</i>
<i>H.-L. Puolakka. Cremation burials in inhumation cemeteries in Late Iron Age Finland and the Karelian Isthmus.....</i>	<i>53</i>
<i>C. Carpelan. “Fruit” knives in Saami households.....</i>	<i>64</i>
<i>Е. С. Ткач. Каменные сверленные топоры Северо-Запада России и Финляндии в контексте шнуровых культур Центральной и Восточной Европы</i>	<i>74</i>
<i>А. И. Мурашкин, А. А. Малютина, А. М. Киселёва. Костяной и роговой инвентарь неолита — раннего железного века Северной Фенноскандии: типология, технология, трасология.....</i>	<i>85</i>
<i>Д. Н. Фёдорова. Применение современных технологий для изучения петроглифов Русского Севера</i>	<i>104</i>
<i>В. А. Лапишин. Ладога до Ладоги.....</i>	<i>112</i>
<i>Е. Н. Носов, Н. В. Хвоцинская. Хлебные печи Рюрикова городища.....</i>	<i>121</i>
<i>E. V. Toropova, S. E. Toropov, K. G. Samoylov. Staraya Russa and the southern coast of Lake Ilmen in the context of contacts with Northern Europe in the 10th–12th centuries AD</i>	<i>132</i>
<i>М. И. Петров. Новые данные о контактах с северо-западом Новгородской земли в XIV в. (по материалам раскопа Нутный-IV в Великом Новгороде)</i>	<i>142</i>

Новейшие открытия и разработки ИИМК РАН

<i>Н. Ф. Соловьёва. Обжигательные печи Йылгынлы-депе периода раннего энеолита</i>	<i>147</i>
<i>А. В. Поляков. Радиоуглеродные даты памятников андоновской (фёдоровской) культуры на Среднем Енисее</i>	<i>163</i>

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

С. О. Ремизов. Исследования памятников палеолита и мезолита в бассейне Волги на территории Волгоградской области	174
Ю. А. Виноградов. В. А. Горончаровскому 65 лет!	192

ХРОНИКА

А. А. Бессуднов, К. В. Горлов, Е. С. Ткач. Конференция молодых ученых «Актуальная археология 4: комплексные исследования в археологии» (Санкт-Петербург, 2–5 апреля 2018 г.).....	195
---	-----

AD MEMORIA

С. А. Васильев. Памяти Галины Васильевны Григорьевой (1934–2019)	200
Список сокращений	202

CONTENTS

RESEARCH PAPERS

Trade, exchange and contacts in prehistory and in the medieval/post-medieval times

V. A. Lapshin. Russian-Finnish Symposium on archaeology and history (8–11 November of 2017, Veliky Novgorod)	9
K. Nordqvist. Contacts and the Neolithic archaeology of Northeastern Europe.....	11
P. Onkamo, K. Majander, S. Peltola, E. Salmela, K. Nordqvist. Ancient human genes of North-Eastern Europe	25
M. Lavento. Early Metal Age bronze axes in Finland: an overview	35
H.-L. Puolakka. Cremation burials in inhumation cemeteries in Late Iron Age Finland and the Karelian Isthmus.....	53
C. Carpelan. “Fruit” knives in Saami households.....	64
E. S. Tkach. Stone perforated axes from Finland and Northwest Russia in the context of Corded Ware cultures of Central and Eastern Europe.....	74
A. I. Murashkin, A. A. Malyutina, A. M. Kiselyova. Stone and antler inventory of the Neolithic — Early Iron Age of Northern Fennoscandia: typology, technology, traceology	85
D. N. Fyodorova. Application of modern technologies to the study of petroglyphs of the Russian North	104
V. A. Lapshin. Ladoga before Ladoga	112
<u>E. N. Nosov</u> , N. V. Khvoshchinskaya. Bread ovens of Ryurik Gorodishche.....	121
E. V. Toropova, S. E. Toropov, K. G. Samoylov. Staraya Russa and the southern coast of Lake Ilmen in the context of contacts with Northern Europe in the 10 th –12 th centuries AD	132
M. I. Petrov. New evidence of contacts between Novgorod and the northwest of Novgorod Land in the XIV c. (based on the materials from the Nutny-IV excavation site in Veliky Novgorod)	142

Newest discoveries and developments by IHMC RAS

<i>N. F. Solovyova</i> . Early Eneolithic kilns of Ilgynly-depe.....	147
<i>A. V. Polyakov</i> . Radiocarbon dates from the Andronov (Fyodorovo) culture sites on the Middle Yenisei.....	163

FROM THE HISTORY OF SCIENCE

<i>S. O. Remizov</i> . Paleolithic and Mesolithic studies in in the Volga basin on the territory of Volgograd oblast.....	174
<i>Yu. A. Vinogradov</i> . 65 th jubilee of V. A. Goroncharovsky	192

CHRONICLE

<i>A. N. Bessudnov, K. V. Gorlov, E. S. Tkach</i> . Conference of young scientists “Actual archaeology 4: complex studies in archaeology” (St. Petersburg, 2–5 April, 2018).....	195
--	-----

AD MEMORIA

<i>S. A. Vasiliev</i> . To the memory of Galina Vasilievna Grigorieva (1934–2019).....	200
List of abbreviations	202

ХЛЕБНЫЕ ПЕЧИ РЮРИКОВА ГОРОДИЩА¹

Е. Н. НОСОВ², Н. В. ХВОЩИНСКАЯ³

Ключевые слова: *Рюриково городище, княжеская резиденция, наружные хлебные печи в древнем рву.*

В разные годы при исследовании древнего рва Рюрикова городища были обнаружены глинобитные хлебные печи. Они имели круглую форму и однотипную конструкцию: основание из глины, сверху *под* из камней, промазанных глиной. Вся эта нижняя часть печи стягивалась вбитыми наклонно кольями, а затем над *подом* возводился глиняный купол (рис. 1; 2). Наиболее ранняя печь относилась к рубежу IX–X вв., а наиболее поздняя — к третьей четверти X в., то есть в X в. ров уже не использовался как действующее фортификационное сооружение. Различные этнографические и археологические аналогии позволяют интерпретировать городищенские сооружения как наружные, отдельно стоящие глинобитные печи для выпечки хлеба, вынесенные за пределы жилищ, коллективного пользования. Продукция хлебных печей на Рюриковом городище была нацелена на удовлетворение потребностей значительного коллектива его жителей, составлявших княжеский двор в X в.

DOI: 10.31600/2310-6557-2019-20-121-131

Рюриково городище, при истоке р. Волхов из оз. Ильмень, является одним из ключевых археологических памятников Северной Руси. Поселение располагалось в уникальной географической точке Восточной Европы, где расходились первоначально шедшие совместно от Финского залива по Неве и Волхову два важнейших торгово-военных пути средневековья — путь на исламский Восток и путь в Византию («из варяг в греки»). Именно поэтому Рюриково городище в IX–X вв. стало важным военно-административным и торгово-ремесленным центром всего Приильмения, реальным предшественником столицы Северной Руси, собственно древнейшим Новгородом русских летописей или Холмгардом, как его называли скандинавские источники. Поселение стало резиденцией новгородских князей и пунктом притяжения социальной верхушки местного многоэтнического общества.

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 19-09-00133 «Укрепления Рюрикова городища под Новгородом в контексте новейших археологических изысканий».

² ИИМК РАН, г. Санкт-Петербург, 191186, Россия.

³ Отдел славяно-финской археологии, ИИМК РАН, г. Санкт-Петербург, 191186, Россия.

Несмотря на плохую сохранность культурного слоя, планомерные раскопки памятника, начавшиеся в 1975 г., дали интереснейшие материалы для общей характеристики поселения: его планировки, хронологии, материальной культуры, изучения этнической и социальной структуры населения и т. д. Анализ этих вопросов крайне важен для понимания исторических процессов, проходивших в последней четверти I тыс. н. э. в лесной зоне Восточной Европы. Дело в том, что в это время район Приильменя и Поволховья оказался в центре активного освоения славян, продвигавшихся с более южных и юго-западных территорий Европы. Здесь происходили интенсивные контакты пришельцев с коренным западнофинским населением, сюда по важнейшим водным артериям началось проникновение скандинавов с севера, которые активно включились в жизнь местного общества, особенно его социальной элиты. В итоге Приильмень стало одной из центральных областей формирования Древнерусского государства. Формальным событием, завершившим этот процесс, обычно принято считать прибытие в Киев из Новгорода в конце IX в. князя Олега и объединение этих двух центров и тяготеющих к ним земель в общее управление, хотя понятно, что исторические процессы строго фиксированных дат не имеют.

Исторические события нашли свое отражение и в археологии, в первую очередь в чертах и особенностях материальной культуры населения, на изучении которых и основывается эта историческая дисциплина. На одной из интереснейших черт материальной культуры, прослеженной при раскопках Рюрикова городища, мы и хотим остановиться в своей статье.

В 1977 г. на поселении был впервые зафиксирован мощный мокрый культурный слой с органическими остатками, достигавший толщины 3 м. Полученные 58 спилов с бревен ели и сосны позволили Н. Б. Черных в Лаборатории естественно-научных методов Института археологии АН СССР разработать дендрошкалу поселения, охватывающую период от 822 г. до 944 г. (Черных 1996: 92–97). Оказалось, что самое раннее бревно, срубленное строителями, относится к 889 г., что фиксирует один из этапов жизни поселения, а не его начало, поскольку ниже имеются более ранние культурные отложения.

Первые спилы были взяты с показавшейся тогда необычной бревенчатой конструкции — обкладки уличной глинобитной печи. Печь оказалась самой ранней среди впоследствии раскопанных поблизости печей. Она находилась внутри небольшого сооружения из бревен, имевшего три стенки, связанные в углах рубкой в обло (чашки вырубались в нижнем бревне). Бревенчатые венцы вплотную подходили к основанию печи и укрепляли его. Северо-западная стенка конструкции имела высоту в четыре бревна, северо-восточная и юго-западная — в три. Более высоким сооружение никогда не было, поскольку на верхнем венце врубок нет. Подход к печи был с юго-востока.

Под (основание) печи и соответственно сама печь имели округлую в плане форму и размеры 1,1 × 1,3 м. Основание представляло собой плотно уложенный слой небольших валунов диаметром около 10 см, который ограждали («стягивали») 25 наклонно вбитых березовых и дубовых кольев. Их не было лишь с юго-восточной стороны печи, где находилось ее устье. Длина кольев — 0,4–0,6 м, диаметр — 6–10 см. Они были подтесаны с двух-трех сторон и этими сторонами обращены

к поду. Камни были промазаны глиной. Толщина слоя обожженной глины над камнями составляла 6–10 см. От верхней части печи сохранилось лишь скопление коричневой глины над подом и по его сторонам мощностью 0,1–0,4 м.

При расчистке обноски были выяснены важные детали ее устройства. Оказалось, что первоначально печь сделали на участке, ограниченном рамой из трех бревнышек в один венец. Их длина достигала 2,5 м при диаметре 11–15 см. Все они были срублены в последнем десятилетии IX в. (889, 896 и 897 гг.). Основание печи (*под*) возвышалось над обкладкой на 0,2–0,3 м. Постепенно, когда вокруг обноски накопился культурный слой, ее нарастили еще на два венца. Для этого использовали бревна гораздо более массивные (диаметром 13–22 см) и длинные — до 3,5 м. Второй венец обноски своей выступающей третью лежал непосредственно на вновь отложившемся культурном слое. *Под* печи после наращивания обноски оказался на ее уровне. Основание печи и под не обновляли. Для четырех из шести бревен верхних венцов определены даты рубки — 905 г. Наращивание конструкции произошло несколько позже, поскольку для строительства использовались бревна уже бывшие в употреблении. В общем уникальная сохранность органики в культурном слое дала возможность детально разобраться с важнейшими элементами устройства печи.

Печь была заброшена, это место некоторое время пустовало, и здесь накопился культурный слой толщиной 6–20 см, что четко фиксируется в разрезе. Напомним, что в Новгороде мокрый культурный слой в среднем накапливался по 1 см в год (Янин 1998: 20; Хорошев 2000: 13). Вскоре здесь был возведен новый комплекс с печью, аналогичной по конструкции. Теперь она была устроена внутри небольшого сруба 3 × 5 м, который сохранился на три венца. Он был возведен очень небрежно из тонких бревен диаметром 12–16 см, частично вторичного использования, в трех бревнах на концах даже отсутствовали чашки для врубки. В срубе зафиксирован массив глины, в том числе обожженной, толщиной 0,4–0,8 м и выложенный из валунов *под*, укрепленный кольями. Печь, очевидно, неоднократно подновлялась. Из серии бревен, использованных для строительства, последние два были срублены в 911 г. то есть сооружение было возведено после 911 г., скорее всего, во втором десятилетии X в.

Рядом с рассмотренными комплексами с глинобитными печами, также на одном месте, сменяя друг друга, в X в. функционировало несколько аналогичных печей. Древнейшая из них была окружена с трех сторон бревенчатой обноской в три венца и располагалась в плетневой загородке размерами 2,8–3,0 × 4,8–4,9 м. На время возведения печи указывает дата рубки младшего бревна — 907 г. Через некоторое время в загородке, но уже внутри не обноски, а четырехугольной рамы размерами 2 × 2 м, состоявшей из двух бревнышек и двух плах, соорудили очередную печь, по конструкции аналогичную предыдущим. Даты полученных спилов — 944 и 947 гг. Плетневая загородка явно была сделана для того, чтобы домашний скот и птица не подходили к работающей печи. Загородка просуществовала около двух–трех десятилетий, поскольку в ней накопился культурный слой толщиной 0,2–0,3 м.

В первые десятилетия X в., когда плетневой загородки уже не было, на месте описанных печей соорудили новую печь. От нее сохранился развал глины. *Под* размерами 1,0 × 1,2 м состоял из валунов, промазанных глиной. Основание печи

укрепляла бревенчатая рама, от которой осталось только неошкуренное бревнышко длиной 2,1 м с чашками по краям.

Привлечение различных этнографических аналогий позволило установить, что в 1977–1979 гг. нами были открыты вынесенные за пределы жилищ, отдельно стоящие глинобитные печи для выпечки хлеба, известные у разных народов (Носов 1990: 59). Были ли над ними навесы, защищавшие их от дождя и снега, сказать сложно. Небрежно сделанный срубик был открыт лишь в одном случае. Один раз был зафиксирован столб в ряду плетневой выгородки вокруг печей, который мог быть связан с конструкцией легкого навеса над ними. В остальных случаях о наличии каких-то навесов над печами можно только догадываться.

По мере расширения раскопа площадь расположения печей, стоявших на открытом воздухе, увеличилась. В 2018 г. в 12 м к северо-востоку от уже исследованных сооружений была расчищена новая печь. По заключению О. А. Тарабардиной в Лаборатории дендрохронологии Новгородского государственного музея-заповедника два спила, полученных из конструкции, датируются самым началом X в. — до 920-х гг. (точные годы рубки уточняются). Поскольку печь публикуется впервые, то стоит дать ее детальное описание.

Обкладка наружной печи была сделана из целых бревнышек, не скрепленных по углам рубкой, а приложенных друг к другу встык и закрепленных вбитыми с внешних сторон кольями, среди которых явно выделяются несколько кольев из березы. Обкладка имела правильную квадратную форму размерами 1,80 × 1,83 м и была ориентирована по линии юго-восток — северо-запад (рис. 1). Лучше сохранились северо-западное и юго-восточное бревна (диаметром около 20 см и длиной 1,6 м и 1,5 м). Северо-восточное бревно подгнило (диаметр — 12–18 см, длина — 1,7 м). Длина юго-западного бревна обкладки (диаметром 12–16 см) составляла почти 2 м, и оно выступало из общей конструкции на 0,38 м к северо-западу. Северо-восточное и юго-западное бревна первоначально, видимо, были подложены под два других бревна, а затем откатились. Поскольку печь стояла в низком месте с неплотным грунтом, то ее северо-восточная часть сильно просела. Перепад уровней составляет почти 20 см. Исходя из разреза основания печи, обкладка находилась непосредственно на культурном слое, а внутри была заполнена слоем серо-синей глины мощностью 10–15 см.

Под печи, размещенный на ее основании (1,1 × 1,2 м), был выложен небольшими валунами (диаметром около 10 см). Камни были промазаны глиной и при нагревании сохраняли тепло. Мощность слоя прокаленной глины над валунами составляла 6–10 см. По кругу основание с *подом* печи было окружено 12 наклонно вбитыми кольями (в основном березовыми с корой, но использовались также дубовые бондарные досочки). Колья двумя полукруглыми стягивали основу печи с юго-восточной и с северо-западной сторон. С северо-востока они не сохранились.

Сравнивая конструкцию печи 2018 г. с печами, исследованными ранее, можно отметить необычную деталь перед ее устьем с юго-западной стороны. Здесь к бревну обкладки примыкал «предпечик» — плотная полукруглая в плане площадка утрамбованной глины размерами 0,4 × 1,10 м и толщиной 16 см, на которую падали угли и головешки при очистке *пода* печи перед готовкой. С внешней стороны

Рис. 1. Рюриково городище, основание печи из раскопок 2018 г.:
1 — вид с ЮВ; 2 — вид с СВ

Fig. 1. Ryurik Gorodishche, basal part of an oven excavated in 2018:
1 — view from SE; 2 — view from NE

«предпечик» был ограничен берестой, использовавшейся как гидроизоляционный материал. Кора была закреплена семью кольями, часть из которых березовые (рис. 1).

Северо-западный склон низины, где находилась печь, постоянно оползал во время дождей и при таянии снега, а поэтому обитатели поселения для защиты печи сделали примитивное сооружение. В 0,6 м от северо-западного бревна обкладки печи параллельно ее конструкции зафиксирована доска (шириной 12 см и длиной 4,40 м), поставленная на ребро и закрепленная с двух сторон 10 кольями. Видимо, дополнительно доска была «нарощена» плетнем из тонких прутьев, остатки которого сохранились и были прослежены в северо-восточном направлении по линии доски (рис. 1).

Итак, на Рюриковом городище прослеживается обособленное расположение группы наружных печей, активно использовавшихся на протяжении почти всего Х в. Печи были вынесены на участок поселка, который был ниже жилой площадки Городища на 6–10 м. Это было сделано явно в противопожарных целях и в стремлении обособить печи от плотной жилой и хозяйственной застройки. Первое время для нас оставалось непонятным, что представляла собой эта низина. В результате дальнейших раскопок выяснилось, что это остатки древнего рва, окружавшего с напольной стороны возвышенный центр городищенского холма площадью около 1,0–1,2 га. Его глубина от древней дневной поверхности составляла 4,5 м. Радиоуглеродный анализ позволил определить время функционирования рва в пределах последней четверти I тыс. н. э., причем датировки двух образцов говорят о том, что ров мог быть сооружен даже в VIII в. (Попов, Зайцева 1994: 171, 179).

В 2006–2010 гг. при разборке заполнения рва в 100 м к северу от исследуемого участка мы снова столкнулись с развалами глинобитных печей. Они были явно той же конструкции, как и на берегу Сиверсова канала, но, к сожалению, в этой части Городища органические детали конструкций не сохраняются.

При разборке восточного склона древнего рва на центральной площадке поселения был выявлен массив глины 4,40 × 7,40 м, вытянутый по линии запад–восток, мощностью 1,15 м. Красная глина лежала плотным слоем, в котором встречались угли и обожженные камни. При ее разборке были зафиксированы остатки *подов* двух печей.

Одна печь имела под размерами 0,92 × 1,24 м. Он представлял собой слой плотно уложенных обожженных камней, промазанных глиной. Вокруг *пода* зафиксировано подпрямоугольное пятно глины с углями и камнями мощностью до 0,26 м на площади 2,0 × 2,2 м. По северному краю пятна прослежен древесный тлен, а в 0,40–0,60 м восточнее него расчищены остатки бревна диаметром 0,18 м. Тлен и остатки бревна могли относиться к опечку, или к ограждению печи со стороны оплывавшего склона. Под каменным *подом* хорошо прослеживаются слои подсыпки из двух слоев светлого песка, разделенных прослойкой глины. Мощность верхнего слоя песка составляла до 18 см, нижнего — до 36 см. Очевидно, печь была врезана в склон рва, а площадка, на которой она была построена, выровнена песчаными подсыпками, укрепленными глиной. Керамические находки, полученные при расчистке, принадлежат фрагментам лепной и раннегончарной посуды в соотношении 50 %

Рис. 2. Рюриково городище, реконструкция хлебной наружной печи из раскопок 2018 г.: 1 — внешний вид; 2 — печь в разрезе

Fig. 2. Rurik Gorodishche, reconstruction of an external bread oven excavated in 2018: 1 — outer appearance; 2 — cross-section

на 50 %. По заключению В. М. Горюновой, судя по ним, существование этой печи не выходит за пределы третьей четверти Х в.

Вторая печь, более поздняя, находилась севернее первой практически на поверхности глиняного массива. Сохранность ее плохая. Удалось зафиксировать мелкие обожженные камни на площади $0,87 \times 1,28$ м, вокруг которых выявлено пятно прокаленной глины на площади $1,48 \times 1,87$ м. Печь также была врезана в склон рва. Ниже ее каменного *пода* прослеживались две песчаные подсыпки (толщиной от 0,12 до 0,20 м), разделенные слоем глины (мощностью до 0,10 м), то есть по характеру подсыпки печь повторяла конструкцию более ранней печи. На основании раннегончарной керамики она может быть датирована второй половиной Х в.

В совокупности, благодаря хорошо сохранившимся основаниям печей Рюрикова городища в низине, в слое с органическими остатками, при исследовании были прослежены детали, которые позволяют сделать довольно достоверную реконструкцию хлебных наружных печей и понять принципы их функционирования (рис. 2). Для начала утрамбовывалась глиняная площадка, которая оконтуривалась рамой. Рама, как правило, сооружалась небрежно, углы порой не скрепляли рубкой, конструкция держалась за счет кольев, которыми фиксировали бревна рамы. Далее внутри квадратной обноски возводили фундамент (*под*) круглой формы из глины и камней. По периметру он укреплялся кольями. Толщина глины над камнями должна была быть не менее 5 см, так как в противном случае, по свидетельству современных реконструкторов, *под* начинал бы отслаиваться при нагревании. Поскольку фундамент, а соответственно и *под*, имели округлую форму, то, следовательно, и сама печь по форме была сверху округлой. К сожалению, верхняя куполообразная часть во всех случаях при наших раскопках представляла собой аморфный слой глины, растекшийся над и вокруг фундамента. Реконструкция печи возможна лишь на основании этнографического материала и опыта современных мастеров, возрождающих древние технологии.

Глинобитные хлебные печи Рюрикова городища располагались вне жилых домов. Для последних, как нам удалось достоверно зафиксировать, были характерны печи-каменки в углу в традиционных для лесной зоны Восточной Европы четырехугольных срубах (Носов 1990: 59 и др.). Конечно, знакомство с деталями конструкции хлебных печей, столь хорошо сохранившихся на Рюриковом городище, крайне важно для характеристики материальной культуры поселения и ее отдельных компонентов.

Печам народов Европы посвящена обширная этнографическая и археологическая литература. В данной статье мы не будем касаться всего этого многообразного пласта древностей, разбросанного хронологически и территориально, тем более что основные работы исследователей связаны, прежде всего, с печами как основными и важнейшими отопительными деталями жилищ.

Выявленные на Городище конструктивные особенности глинобитных печей полностью соответствовали требованиям для выпекания хлеба. Обратимся к процессу выпечки хлеба, ориентируясь на инструкции современных мастеров. В зависимости от размера печи ее протапливают от 1,0–1,5 часа сухими дровами. В процессе топки, сначала свод внутри печи покрывается сажей и чернеет, а затем сажа выгорает, и свод становится светлым. Это является критерием нагретости печи. Когда дрова в основном прогорели, остаются головешки, их извлекают (в древности с помощью угольного совка). Эта процедура необходима для того, чтобы не охлаждать печь. Головешки уже не дают нужного тепла, а через устье печи во время их тления поступает много воздуха. Затем печь обязательно закрывают заслонкой на 10–20 минут для выравнивания температуры. При 200 градусах выпекают ржаной хлеб, при 180 градусах — пшеничный.

Таким образом, понятно, что для выпечки хлеба идеальными являются глинобитные печи. Хлеб необходим в течение всего года, но практика показывает, что летом печи в домах старались вообще не топить, а в городах с плотной деревянной застройкой тем более, для этого и нужны были глинобитные печи вне домов, что было наиболее рационально и безопасно в противопожарном отношении.

Иногда это можно подтвердить на археологических материалах. Так, в Ладогe в низовьях Волхова на поселении, синхронном и типологически наиболее близком Рюрикову городищу, в основном зафиксированы печи-каменки. В нескольких, более крупных по своим размерам постройках, были устроены большие открытые каменные очаги в центре помещений, где готовили еду в котлах. Только в одном случае В. П. Петренко обнаружил открытую глинобитную печь, полностью аналогичную встреченным на Городище (Петренко, Носов 1986). Ее основание (*под*), выложенное камнем, обмазанное глиной и укрепленное кольями по кругу, находилось внутри бревенчатой рамы 1,8 × 1,9 м. В течение X в. печь функционировала довольно долго, так как ее *под* меняли три раза и каждый раз заново укрепляли кольями. Важно, что печь была обособлена от жилых домов, находясь на незастроенном периферийном участке двора, у ограды. Ясно, что в ней жители поселка постоянно пекли хлеб.

Печи аналогичного характера открыты при раскопках слоев XII–XIII вв. в Гданьске. Они находились вне жилищ, в одном случае на перекрестке улиц. Зафиксированы рамы обносков, глинобитные основания, наклонно вбитые колы. Печи существовали примерно по 70 лет. В отличие от Городища часть польских уличных печей была гораздо больше по размеру (Там же: 13).

Чем же объясняется факт концентрации печей Рюрикова городища на протяжении десятилетий постоянно на месте заброшенного рва? С одной стороны, противопожарной безопасностью, а с другой — печь предназначалась не для одной семьи. Польские исследователи считают, что печи являлись объектами коллективного пользования для ряда семей. К ним могли обращаться и соседи-уличане в городах, и члены одной сельской общины. Можно привести много конкретных примеров по археологическим материалам, а еще больше — по этнографическим данным разных народов о хлебных печах, которые использовали как общественные сооружения. Но строгой закономерности в этом нет, и это было необязательно. В частности, в Хедебю — датском центре южной Ютландии, в слое IX в. удалось детально исследовать большой жилой дом размерами 5 × 10 м с плетневыми стенами (Ransborg 1980: 87, 88, fig. 24). В местном музее сделана его реконструкция в натуральную величину, где в центре основного помещения расположен открытый очаг с каменным подом, над которым готовили в котлах, а в небольшом отдельном помещении этого же дома находилась глинобитная хлебная печь. По мнению музейных сотрудников, при строительстве печи использовался каркас из прутьев. Отпечатки прутьев на глине встречались и на славянских памятниках юга Древней Руси (Раппопорт 1975: 151). Однако один из самых простых и древних способов сооружения куполообразной верхней части печи — это формирование стенки купола на горке мокрого песка, предварительно покрыв ее берестой. Следует подчеркнуть, что купольная часть печи возводилась единовременно и достаточно быстро, а поэтому ее сооружение должно было производиться силами сразу нескольких человек. Главное заключалось в правильном и тщательном промешивании глиняного теста. Его готовили из глины, песка и воды, иногда добавляя отощители (например, солому). Хорошо сделанная печь могла служить десятилетиями.

Хлебные печи, аналогичные раскопанным на Рюриковом городище, позволяли выпечь значительное количество хлеба. Проведенный реконструкторами эксперимент показал, что за один цикл использования печи можно было получить 12 кг хлеба, а при желании и больше. Функционирование трех печей одновременно во втором десятилетии X в. доказано для небольшого участка на берегу Сиверсова канала, то есть за один цикл можно было получить около 50 кг хлеба. При дальнейшем изучении рва в 2000-е гг. оказалось, что печи строились и на других участках этого заброшенного фортификационного сооружения. Несомненно, если исследовать весь древний ров, количество их возрастет.

При первой монографической публикации хлебных печей с Рюрикова городища один из авторов данной статьи был склонен считать их присутствие здесь, прежде всего, славянской этнографической традицией. Такой подход был принят в части западной археологической литературы. Однако вряд ли это правильно. Глинобитные хлебные печи известны и в Скандинавии (Хедебю, Ютландия), и в Финляндии, и у других народов (Носов 1990: 59–61). Независимо от рецепта технология выпечки хлеба в подобных печах была одинакова.

Мы неоднократно подчеркивали, что материальная культура данного поселения отражает не его общинную или городскую уличанскую организацию, а является проявлением его социально-экономической структуры как княжеской резиденции, то есть местом размещения княжеского двора (князя и его дружины). Продукция

хлебных печей как раз и была нацелена на удовлетворение потребностей этого значительного коллектива жителей, в состав которого входили как лично свободные слуги, так и челядь (рабы) из числа разных народов, обеспечивавшие ежедневный быт военно-административного княжеского аппарата.

Определяющим в понятии «дружина» была «служба князю, совмещающая различные функции, неразрывно связанная с княжеским двором» (Свердлов 1983: 214 и др.). По источникам XI–XII вв. прослеживается бытовая близость князя и дружины. Она выражается не только в том, что дружинники постоянно с ним, как *alter ego*, но и в повседневных застольях, гремевших под сводами княжеских гридниц. Пир князя с дружиной относится к числу заурядных летописных сцен. В княжеских «пированиях» преломлялась, по мнению И. Я. Фроянова, еще одна грань общности князя с дружиной, лежащая в хозяйственной плоскости их отношений, которая характеризовалась, помимо всего прочего, единением по хлебу (Фроянов 1980: 74).

В нашу задачу не входит анализ сложных вопросов структуры политической элиты Руси в X–XI вв. (Стефанович 2012). На материалах хлебных печей мы лишь попытались осветить одну из бытовых страничек жизни княжеского двора.

Литература

- Носов 1990 — Носов Е. Н. Новгородское (Рюриково) городище. Л.: Наука. 1990. 214 с.
- Петренко, Носов 1986 — Петренко В. П., Носов Е. Н. Об одном типе средневековых печек Поволховья // КСИА. 1986. Вып. 187. С. 8–15.
- Попов, Зайцева 1994 — Попов С. Г., Зайцева Г. И. Ранние этапы заселения Новгородской округи и нижние ярусы Новгорода по данным радиоуглеродного анализа // Мас-сон В. М., Носов Е. Н. (ред.). Новые источники по археологии Северо-Запада. СПб.: ИИМК РАН, 1994. С. 164–183.
- Раппопорт 1975 — Раппопорт П. А. Древнерусское жилище. Л.: Наука, 1975. 179 с. (САИ. Вып. Е1-32).
- Свердлов 1983 — Свердлов М. Б. Генезис и структура феодального общества в Древней Руси. Л.: Наука. 1983. 238 с.
- Стефанович 2012 — Стефанович П. С. Бояре, отроки, дружины: военно-политическая элита Руси в X–XI веках. М.: Индрик, 2012. 656 с.
- Фроянов 1980 — Фроянов И. Я. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1980. 256 с.
- Хорошев 2000 — Хорошев А. С. Культурный слой Новгорода как экологическая структура. Факторы формирования, история изучения, история разрушения, проблемы охраны // Новгородская Русь: историческое пространство и культурное наследие. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2000. С. 12–25 (Проблемы истории России. Вып. 3).
- Черных 1996 — Черных Н. Б. Дендрохронология и археология. М.: NOX, 1996. 215 с.
- Янин 1998 — Янин В. Л. Я послал тебе бересту... Изд. 3-е. М.: Языки русской культуры, 1998. 462 с.
- Ransborg 1980 — Ransborg K. The Viking Age in Denmark. The Formation of a state. London: Duckworth, 1980. 206 p.

BREAD OVENS OF RYURIK GORODISHCHE

E. N. NOSOV, N. V. KHVOSHCHINSKAYA

Keywords: *Ryurik Gorodishche, princely residence, external bread ovens in ancient ditch.*

The paper describes clay bread ovens found in different years in the ancient ditch of Ryurik Gorodishche. The ovens were round in shape and had the same construction: clay basement with a clay-washed stone hearth on top of it. The lower part of the oven was held in place by obliquely driven stakes. After the stakes were set, a clay dome was erected above the hearth (Fig. 1, 2). The earliest of the ovens are dated to the turn of the IX–X cc, and the latest to the third quarter of the X c., which means that since the X c. the ditch has lost its fortificatory function. Various ethnographic and archaeological analogies allow to conclude that we have to deal with external free-standing bread baking ovens of shared use. The ovens served to fulfill the needs of a considerable number of the Ryurik Gorodishche dwellers, who belonged to the princely court in the X c.